

Машина прошлого

В Москве выступил патриарх французской органной школы Жан Гийю

Два вечера подряд — в Большом зале консерватории и в Зале Чайковского — выступал 72-летний Жан Гийю, один из самых авторитетных органистов Франции, кроме того, известный органний инженер, педагог, композитор и импровизатор. Оба свои выступления маэстро заканчивал импровизацией на предложенные залом темы. Но, пожалуй, не эта эффектная деталь была наиболее интригующим номером московского пребывания Гийю. Еще большее любопытство вызвала поставленная в программу второго концерта его собственная органная версия «Картинок с выставки» Мусоргского.

Известия — 2003 — 5 марта — С 13

Екатерина БИРЮКОВА

«Картинки с выставки», как известно, бывают для фортепиано, для оркестра и для рок-группы. Бывают ли они для органа, выяснить так и не удалось. Тому причина — крайне технически несовершенное их исполнение на органе в Зале Чайковского. В данном случае столь же неловко кивать на возраст маэстро Гийю, сколь и находить оправдание в неудобстве московского инструмента или чрезмерной сложности самого переложения. Но факт остается фактом: если в том хаосе, что производили блестящие трубы на сцене Зала Чайковского,

и можно было угадать знакомые черты сочинения Мусоргского, то собственно музыкальной ценности они уже не представляли.

Однако была ценность совсем другого рода — скорее из области детской научной фантастики. Все эти органные клавиатуры, рычаги и кнопки, которые обычно производят возвышенные и сакральные звуки, на сей раз напоминали какой-то пульт управления полетом или машину будущего, довольно нескладную, но отлаженную и сложную в управлении, но все же вызывающую уважение. Уважение вызывал и сидящий в ней седовласый Жан Гийю, сухой, худой, с аристократически прямой спиной и руками

волшебника-механика, избегающий в своей схватке с этой огромной и явно несовершенной машиной даже помощи ассистента. А играть на органе без ассистента — это примерно как в одиночестве вести автомобиль, у которого вместо трех педалей — тридцать, вместо одного руля — четыре клавиатуры, а вместо пяти скоростей — несколько десятков регистров.

Редко бывает, когда столь наглядно, материально и мучительно рождается тело музыки (но отнюдь не ее душа). В игре Гийю ощущалось потрясающее равнодушие к ее художественным ценностям, зато и удивительная жадность до технических возможностей инструмента. Орган — это не просто машина, производящая звуки, это самая большая машина по производству звуков. А значит, самая лучшая. И сыграть на ней можно практически все. Даже если композитор и не имел ее в виду. И даже если это никак не согласуется с современной музыкальной практикой. Именно эта идея, коренящаяся в романтическом доверии ко всепобеждаю-

щему научно-техническому прогрессу, транслировалась со сцены, идея трогательно-устаревшая, обветшавшая и выразительная в своем упрямстве.

Кроме Мусоргского и сумрачно-бурной финальной импровизации, замечательно сгодившейся бы к подзвучке какого-нибудь «Метрополиса» (при том что среди тем, предложенных залом, естественно, оказались «Подмосковные вечера»), в программе был органний соль-минорный концерт Генделя в редакции Гийю и пестрый ряд оперных и кантатно-ораториальных арий Баха и Генделя в исполнении аккуратного сопрано Натальи Краутер (чья малоизвестная фамилия слишком хорошо рифмовалась с организовавшим гастроли агентством «Краутер-концерт»). Вокальная часть вечера, оказавшаяся самой прибыльной в смысле цветов, была явно наименее интересна амбициозному французскому маэстро. В роли аккомпаниатора он позволил себе немного расслабиться и даже допустил к управлению своей машиной ассистентку.